

так плотно, что утренний свет не проникал в комнаты, а уличный шум доносился приглушённо, словно издали... С виду все дома были будто бы на одно лицо. Но внимательно приглядевшись хотя бы к калиткам, можно было в немалой мере определить характер хозяина. Ибо, если одни были устроены из двух вкопанных в землю ядрённых, просушенных в тени столбов с навешенными полотнами, то другие ещё имели двухскатные небольшие, словно игрушечные, кровли-навесы, не позволявшие дождевой или снежной влагой заливать столбы, предотвращая их от преждевременного гниения, а третьи красовались дождевыми отбойниками с мудрой узорчатой резьбой.

Каждая изба была обнесена глухим, выше человеческого роста, заплотом из толстенных тесин, вернее надвое распущенных листовых брёвен, от времени сильно почерневших, местами треснувших вдоль древесных волокон. Когда мы с Мухтаром проходили мимо, то из-за них, бросаясь на заплот, гремя цепями, начинали грозно лаять сторожевые злобные собаки. Моя овчарка тотчас в ответ свирепо рычала, вздыбив на загривке шерсть, но я строго командовал: «Фу! Ко мне!», и верный пёс, послушно замолчав, быстро перебирая лапами, снова шёл рядом, поглядывая на меня, словно спрашивал, мол, какие ещё будут команды? Умница! Молодец! Это ему я посвятил одно из своих первых стихотворений: «Мохнатая, на крепких лапах/ у леса, где камыш, стоит,/ ноздрями ловит жадно запах,/ плывущий от густых раки./ Прыжок! И вот она добыча — тетерка с перьями взлёт./ Нет, несprostа собаке нынче/ на дичь отборную везёт./ Иду домой, пёс верный сзади/ трусит, но поравнявшись вдруг/ замрёт, чтоб ласково погладил/ и не забыл — кто верный друг».

Солнце уже поднялось достаточно высоко, сильнее и сильнее прогревая немного влажный утренний воздух, всё ещё легко вдыхаемый полной грудью. Но неприкрытую голову уже ощутимо припекало, и мне пришлось вступить в светлую тень, косо падающую от высоких заплотов длинными язычатыми полосами на песчаное полотно проулочной дороги, от прошедшего глубокой ночью сильного, с молниями и громами, ливня в больших и довольно глубоких лужах, в которых отражались плывущие с запада на восток пенные редкие облака. Последовал моему примеру и Мухтар, лишь ниже, к самой земле, опустив голову и с жадностью внюхиваясь в свежие запахи бушно растущей новой травы.

Несмотря на раннее время, в то утро у конторы по-обычному — на длинной земляной завалинке, прикрытой обрешетными досками, — в ожидании начала разрядки сидело несколько рабочих, одетых в тёмные комбинезоны с верхонками, лежавшими на ногах, перекинутых одна на другую, с дымящимися папиросами в жёлтых от никотина зубах, негромко — вполголоса — переговаривавшихся между собой.

— Здравствуйте! — поприветствовал я работяг.

— Здорово, здорово, коль не шутишь! — за всех ответил пожилой с густой проседью, но всё ещё назло времени по-молодому вьющимися, зачёсанными назад волосами, с голубыми, словно полуденное весеннее небо, жизнерадостными глазами. Длинные жилистые руки, суховатые колени говорили о его большом росте. Достав из нагрудного кармана початую пачку «Беломора», тряхнул ей так ловко, что несколько папирос тотчас выскочили наружу, и, хитро улыбаясь, предложил мне:

— Курить будешь?

— Что вы, дяденька, я этим делом не грешу!

— Ну вот тебе на! Небось ещё и на работу пришёл?

— Конечно!

— Ну а делать-то во время перекура что будешь?

— Как всегда, работать! Мне деньги — и немалые! — на велосипед во как нужны! — ответил я и провёл ребром ладони по горлу.

— А сил-то без отдыха весь день на жаре потеть хватит?

— Да он их у отца займёт! — шутиливо вмешался в разговор другой мужик, молодой, круглолицый, с белыми-белыми, словно выгоревшими на солнце густыми бровями. — Чего-чего, а этого добра у Ивана Борисовича с лихвой хватает! Верно, мужики, говорю?

— Да, ничего не скажешь, наш уважаемый управляющий, несмотря на серьёзный возраст, нам всем в любой работе фору даст, причём, ох, какую немалую! — чуть не в голос поддержали товарища мужики.

— А причём мой отец? Я сам как-нибудь со своим делом справлюсь. Давно уже немаленький! — слегка обиделся я.

— Ну-ну! Посмотрим! Только не пойму: а собаку — видать, очень злочую, не зря острыми глазами так за нами и следит! — зачем с собой взял? Ведь мешать же в работе будет! — не унимался круглолицый.

— Во-первых, друг мешать не может, — стал без обиды, но упрямо возражать я. — Во-вторых, если любого пса всё время держать в будке да на цепи, то он поневоле жуть каким свирепым станет! А зачем умной собаке излишняя злость? Незачем! Верно говорю, Мухтар?

И пёс, сидевший рядом, внимательно слушая мужичий разговор, словно поняв мой вопрос, тотчас вильнул красивым саблеобразным хвостом, только что головой не закивал, но утвердительно взвизгнул.

Тут с высокого конторского крыльца по красным скрипучим ступенькам легко сбежала и стремительно подошла к нам, держа какой-то исписанный лист, молодая женщина. Я сразу узнал в ней новую бригадиру, симпатичную, с каштановыми при быстрой ходьбе веером рассыпавшимися по упругим покатым плечам волосами, с белозубой улыбкой, озарявшей жизнерадостным светом загорелое лицо, одетую привычно и удобно — по-спортивному. Она неделю назад приходила к отцу домой по какому-то неотложным служебным делам. После её ухода, мать не без ревнивой нотки в голосе, но дюже ехидно спросила задумавшегося отца:

— Ваня, а это что ещё за краля? Уж не о ней ли печалишься?

— Нина, ну как можно неуважительно отзываться о человеке, который недавно с отличием закончил сельскохозяйственный техникум и приказом директора совхоза назначен моим заместителем по полеводству?

— Вот завёлся! Ну прямо, как хорошо отлаженный мотор! Раз ты считаешь её хорошим человеком, то у меня к ней претензий нет! А не скажешь, как хоть звать-величать твоего очень соблазнительного помощника?

— С радостью удовлетворю твоё любопытство! Валентин Александрович Барамыгин! Ещё вопросы есть?

В ответ мать лишь как-то уж слишком загадочно, словно хотела в чём-то нехорошем изобличить, посмотрела на отца. Однако он хладнокровно подвёл черту под разговором, справедливо считая его пустым:

— Вопросов нет! Ну и хорошо!..

И вот эта молодая, симпатичная свежеспечённая бригадира, бодро поздоровавшись с нами, стала по листку, видать, заранее исписанному её крупным женским почерком, голосом, не терпящим возражений, делать разрядку на день. Мужики, кто с довольным-предовольным взглядом, кто, наоборот, — с недовольно нахмуренными, словно тучевыми бровями, получив трудовое задание, разошлись. Светлана Алексеевна проводила их строгим, почему-то немного озабоченным взглядом, словно думала не о той работе, на которую строго зарядила мужиков, а о чём-то более важном. Потом, повернувшись ко мне, улыбнулась, сверкнув белоснежными, как снег, ровными зубами, и как-то уж нарочито спокойно сказала:

— А тебя, Ваня, отец велел отправить сторожить поле, которое уже с шести утра работницы засаживают капустной рассадой!

— Сторожить, так сторожить! — послушно ответил я. Но, несколько секунд помолчав, спросил: — А зачем делать,

можно сказать, пустое дело, ведь, по крайней мере, ещё позавчера я, возвращаясь с вечерней рыбалки, видел, что все пашни были, как всегда, огорожены?

— Ваня, в том-то и дело, что были! Но случилось непредвиденное, а именно: планируя приступить к посадке капусты не раньше, чем через несколько дней, мы с управляющим приняли решение со стороны пастбища, отведённого для частного скота, старую, ветхую изгородь заменить на новую. Плотники ещё вчера снесли её, а сегодня отправились в лес заготавливать жерди со столбами. Но, как сам знаешь, этой ночью неожиданно прошёл такой сильный ливень, что уже подготовленное, вспаханное поле оросил основательно. И, думаю, было бы грешно не воспользоваться Божьей помощью! Теперь, надеюсь, всё понял?

— Понять-то понял! Только как же я один удержу от напора огромного стада, можно сказать, линию обороны длиной почти километр?

— Даже и не знаю, что тебе на это сказать! Но в помощь тебе, Ваня, никого дать не могу — сам должен понимать, что в полевую страду, хотя каждый человек и на строгом счету, но всё равно с огромным трудом успеваем производить основные работы!

— На нет, как говорит мой отец, суда нет! — с лёгким сожалением сказал я бригадире и ободряюще продолжил, уже обращаясь к своему четвероногому другу: — Ну что, Мухтар, пойдём, дело не ждёт! Между прочим, самое, что ни есть, по твоей собачьей душе, — с грозным, залившим лаем со всех ног гоняться за коровами да быками. Наконец-то по полной душе отведёшь, помогаю мне.

И я, озабоченно вздохнув, твёрдым шагом направился к кузнице, сразу за которой начиналось капустное поле, где через каждые восемьдесят метров были проложены поливные трубы, а вдоль них уже вросли кусты молодой, сочной пырей, яркой зеленью лаская взгляд... А свежий, напористый ветер-свистун, с утренней зари дующий с реки, окончательно согнал с небес за ночь выплакавшиеся до последней капли слезинки хмурые, куцые тучи, и пронзительная синева — от края до края! — открылась моему восхищённому взору. Горячие солнечные лучи, больше не встречая на своём пути никаких преград, всё сильнее и сильнее прогревали воздух. По учатившемуся дыханию я определил: уже не меньше двадцати пяти градусов! А как жарко будет к обеду? Даже подумать было страшно! И неспроста! Якутский север известен не только пятидесятиградусным ледяным морозом, но и зноем под стать тому, что царствует в Южной Азии, прогревая так сильно береговой песок, что ступать по нему босыми ногами невозможно, чтобы до волдырей не обжечься, а зарытое в него яйцо, как в кипятке, сваривается за несколько минут вкрутую!

Рядом с кузницей из-за вырытой бульдозером огромной силосной ямы образовался искусственный песчаный высокий курган, поросший редкой, но терпко пахучей полынью. Более выгодного места для обзора капустного поля и пастбища было найти невозможно. Поэтому на его вершине, пусть и под самыми знойными — прямыми лучами, беспощадно жгущими плечи и голову, я и решил устроить свой наблюдательный, верней, сторожевой пост. Мухтар, вытянув передние лапы, свесив светло-красный язык, с которого на полынь от всё усиливавшейся жары уже начал капать горячий пот, лёг рядом со мной, жадно внюхиваясь в только ему понятные запахи, наносимые неумным ветром, дующим по-прежнему с реки.

С высоты кургана мне было хорошо видно, что ни свет ни заря начавшаяся посадка капусты приблизилась к самому краю поля. И сочную рассадку, покрывшую сплошным зелёным ковром пашню, было хорошо видно с пастбища, на котором из-за позднего таянья многочисленных бело-голубых льдин в метр толщиной, оставшихся после резкого спада паводковой воды, новая трава не успела подняться даже в средний рост — и её, пусть и дру-

ные, но ещё не загустившиеся побеги, как бы своей свежестью ни привлекали взгляд, но ну никак не могли утолить аппетит проголодавшейся за ночь скотины. А между тем сельчане со стороны Подмогильника — кто на верёвочном поводке, кто с помощью тальникового прута — всё приводили и приводили своих бурёнок с телятами и отпускали вольно пастись. А какой-то мужик пригнал огромного с витыми, мощными рогами быка, с железным кольцом в ноздрях, который сразу, как почувствовал волю, вскинул на сильной шее лобастую голову и так грозно проревел, разрывая задними копытами в клочья травяной крепкий дёрн с ещё не сошедшей, серебрящейся в лучах солнца обильной росой, что я, сидевший вдалеке, услышав его, тотчас почувствовал, как по всему телу поползли тревожные пупырчатые мурашки.

Скота за какой-то час набралось много, и я, на всякий случай насчитав больше ста пятидесяти голов, был до глубины души встревожен, ибо эта огромная сила, завидя сочный капустный корм, неминуемо должна будет ринуться на поле. А то, что именно так произойдёт, только дураку могло быть не ясно! В поисках хоть какого-то оружия для защиты от погравы капустной посадки я огляделся, но, естественно, кроме валявшихся вокруг сучковатых палок, ничего не увидел. Выбрал из них самую длинную, увесистую и сказал Мухтару: «Ну что, друг, воевать так воевать!». В ответ пёс, словно предчувствуя схватку не на шутку, пронзительно взвизгнул, перебирая в нетерпении передними лапами. А я не без грусти подумал: «Эх, знал бы, что буду определён в охранники, то взял бы пастуший сплетённый из вяленой сохатиной кожи, со свинчаткой на конце двухметровый бич — подарок отца! Только жалеть впустую — всё равно, что в воздухе кулаками махать!».

Между тем коровы, возглавляемые быком, на ходу жадно пожирая, а точнее, слизывая красными шершавыми, как рашпиль, языками только и начавшую вросшую молодую траву, уже поравнялись с песчаным курганом. Я, чтобы быть готовым преградить скотине путь, вышел на край пастбища, оставив за спиной невысокий, но крутолобий пригорок с валявшимися трухлявыми жердями и изрядно подгнившими колыями старой изгороди. Сразу от него и начиналось поле... Мухтар, как привязанный, шёл за мной.

Первым, утробно промычав, словно командовал стаду следовать за ним, направился прямоиком на зелень бык. Коровы, растянувшиеся метров на двести, повернули и чуть ли не бегом, обгоняя друг друга, длинными, но нестройными рядами стали догонять своего вожака. Показав рукой на него и скомандовал: «Мухтар, ату его, ату!», я, размахивая палкой, ринулся наперерез левому краю стада, краем глаза видя, как верный пёс, злобно рыча, остервенело набросился спереди на быка, который от неожиданности встал, как вкопанный, в недоумении недолго заматол головой, потом опустил её к земле, готовый нанести по неожиданному врагу удар своими острыми рогами-кинжалами! Тем не менее вдохновенные мысли пороховой вспышкой мелькнули в моей башке: «Вот и славно! Самое опасное животное остановлено! Ай да молодец, Мухтар!». Это придавало уверенности, и я с пронзительными криками: «Пошли вон, пошли!», как заведённый бега перед коровами, стал оттеснять их всё глубже и глубже обратно на пастбище. Но в это время другое крыло стада уже подходило к так манившей, нет, притягивавшей, словно мощный магнит, капустной сочной рассадке. И я со всех ног бросился под углом назад. Пусть едва, но успел сначала преградить дорогу правому крылу, а потом, носясь от одной коровы к другой, грозя палкой, больно срывая в криках голос, смог отогнать и этих травоядных. Но удерживаемый Мухтаром грозный бык не отступал, продолжал, мотая головой, грозно мычать и даже пытался поддеть пса на рога. Тогда я, подбежав, огрел его со всей силой палкой по боку с остро выпиравшим ребрами — раз, другой, третий... И он, от боли хрипло замычав, грузно развернувшись, потрусил к коровам! Таким образом, первая атака